

ПРИТЧА О ВЕЛИКОМ ЦИФРОВИЗАТОРЕ

Часть первая. Как сохранить естественный интеллект в эпоху технофашизма

Продолжение. Начало — на стр. 1

Юрий ГРОМЫКО. Первое, что я хотел бы сказать: на примере вашего вопроса видно, насколько из-за англлизации русской речи мы фактически загнаны в положение своеобразных некультурных аборигенов. Даже выражение "искусственный интеллект" — абсолютно неверный, на мой взгляд, перевод английского выражения artificial intelligence. Напомню, что intelligence может обозначать разведку, осведомлённость и определённый тип интеллектуальных услуг. Значение, непосредственно связанное с интеллектом, здесь лишь одно из возможных. Поэтому правильнее говорить об искусственно формируемой осведомлённости. А слово "интеллект" происходит от латинского intellectus, что означает "понимание". Но искусственного понимания быть не может. И на этом сходятся и российские, и зарубежные философы. Кстати, понимание — часто более ценная штука, чем мышление. Потому что за мышлением нередко стоят операция и метод. И ты как бы перекладываешь ответственность за этот продукт на метод. По сути, я взял метод, которому меня учили. Как говорится, бином Ньютона — он и в Африке бином Ньютона. А про понимание так не скажешь. Понимание прорывает меня к личной ответственности. Если я понял, то снова измениться, стать непонимающим, уже не могу. Поэтому искусственного понимания быть не может. А дальше возникает сложная вещь. Мне предоставляют искусственно скомбинированные тексты. И основной вопрос — как я, обладающий пониманием, с этими искусственными текстами работаю? Есть две принципиально разные стратегии. Первая — использовать настроенный мной или кем-то другим искусственный интеллект. Именно это, как вы правильно сказали, явно делал уважаемый автор, готовя интервью с "Троком-З". Он его целенаправленно настраивал. В результате эта работа сводится к тому, что ИИ подлаживается к вам. Он даже даёт оценки вопросов, как вы правильно отметили. Это очень важно. И фактически мы попадаем опять в искусственный пузырь тех представлений, которые у нас и так есть и в рамках которых мы остаёмся. ИИ тут — как подтверждение того, какой я умный, как я всё правильно понял. Единственная, на мой взгляд, творческая работа с ним — это доводить его до ситуации, в которой он будет с вами жёстко не соглашаться или говорить, что он ничего на эту тему сказать не может. Это означает, что вы действительно вышли в зону, где вы формулируете и создаёте новое знание.

Теперь конкретно: в приведённом вами примере вопрос, остающийся до сих пор принципиально сложным, — это дефиниция фашизма.

На определённом этапе немецкие коммунисты, имея собственную трактовку этого явления, могли путать политических игроков и тех, кто действительно перешёл к фашистскому стилю и методу действий. Для меня наиболее правильное определение фашизма включает две составляющие. Первая: **фашизм всегда представляет собой инструмент крупной финансовой олигархии, которая для достижения своих целей формирует специального субъекта, готового на любые действия, вплоть до уничтожения людей.** Чтобы определить, являлись ли национал-социалисты Германии того периода фашистами, следовало хорошо знать формы связи действующих лиц с крупнейшими представителями американского капитала. Ни для кого не секрет, что Рокфеллер и дед Буша, Прескотт Буш, были среди тех, кто на определённом этапе финансировал национал-социализм. До какого-то момента финансовая олигархия присматривалась, какой из субъектов в тогдашней Германии в наибольшей степени склонен к решительным действиям.

Вторая составляющая: такие решительные действия всегда являются попыткой предельно упростить решение чрезвычайно сложного вопроса. Это подводит нас ко второй теме: **почему сегодняшняя ставка на гонку за искусственным интеллектом как за средством мирового господства может выступать новой формой фашизма — так называемым технофашизмом.** Кстати, мне ближе к определению этого явления, которым вы часто оперируете, — **дата-фашизм или алгоритмический фашизм.**

Мы видим, как быстро развивающийся инструмент решения задач в разных отраслях — с заменой человеческого труда "мёртвым трудом" алгоритмов — **превращается в универсальный способ, отмечающий все остальные варианты.**

Чтобы показать упрощённость такого подхода, достаточно сопоставить его с тем, что делает Китай. Появилась нейросеть "Кими К2" — новый тип искусственного интеллекта после "Дипсика", который по ряду параметров превосходит американские платформы. Но для Китая нейросеть встроена в энергетику, автоматизированный транспорт и системы связи. Прежде всего речь идёт о телекоммуникациях 6G, которые активно запускаются и подчинены задачам роботизированных производств и сложных транспортных перевозок. Токенизация здесь понимается как расчёт количества операций, выполняемых большой языковой моделью. Далее токенизация связывают с энергетическими затратами на решение любых задач: создание турбин, управление транспортом и так далее. Так возникает **идея энерготранспортной расчётной единицы, независимой от доллара, поскольку в её основе лежат вычислительные и энергетические затраты и реально выполненная работа.** Я здесь вспоминаю известную разработку Побиска Кузнецова — **энергорубль, где стоимость самой расчётной единицы, рубля или доллара, соотносилась со стоимостью киловатт-часа, затраченного на выполнение работы.** В условиях российской рыночной экономики этот подход долго представляли как несусветную чушь: как можно вводить подобные расчёты на рынке, где люди договариваются посредством контрактов?

Китай же показывает, как это можно сделать, создавая своеобразный "энергокоан". Важно определить, как формируется стоимость продуктов, потенциально востребованных на мировых рынках, с учётом затрат электроэнергии, транспортных перемещений, роботизированных систем и вычислений БЯМ — больших языковых моделей. То есть **БЯМ встраиваются в сложнейшую мультиинфраструктуру.** Почему я употребляю это тяжёлое слово, которое будто камнем бьёт по голове? Потому что **речь идёт о переходе к иначе организованной экономике.** Энергетика, транспорт, связь и вычисления вступают в сложные переплетения. Мы обнаруживаем, что энергетика определяет устройство беспитлотного транспортного проекта, который преобразует общество и создаёт новые города и поселения, из общего комплекса вырывают одну сложную и действительно новую область — искусственный интеллект — и превращают её в особый инструмент мирового господства. Это опасная обоюдострая вещь. То есть я подхожу к последней части вашего вопроса.

Эта обоюдострая вещь работает сразу в двух плоскостях, что очевидно из манифеста "Палантира" и деятельности всей группы технократов из Кремлёвской долины, работающих с нейросетями, с ИИ. **С одной стороны, они начинают осуждать мировую архитектуру искусственного осведомлённости, которая работает по прямому заказу Пентагона и ЦРУ. С**

другой стороны, речь идёт о подчинении обывателя во всех его потребностях и действиях, о превращении его в биоробота. Как говорил учёный из Массачусетского технологического института Джошуа Тененбаум, проблема не в том, мощнее ли искусственный интеллект человеческого мышления: они несопоставимы. Проблема в другом — **захочет ли человек уподобиться машине, рутинизироваться и примитивизироваться до заданных алгоритмов, основанных на старой, мёртвой информации.** В этом и состоит главный соблазн. "Палантир" же одновременно действует в обеих плоскостях.

Миф о том, что всеобщая информационная осведомлённость делает человеческое мышление ненужным, запускается для того, чтобы огромные массы людей перестали пользоваться собственным пониманием. Оно начинается с проблематизации — выхода в область, где нет чётко установленного знания, где существуют парадоксы, противоречия и антиномии, несовместимые утверждения. Именно там проявляются творческие человеческое мышление, спонтанность сознания и способность впервые увидеть новое на стыке несоединимого. На мой взгляд, это и есть жизненно важное творчество. Религиозный аспект не менее важен: добровольное уничтожение человеком собственной способности к воображению и пониманию представляется мне бесовским замыслом, современной формой Великого инквизитора. У человека отнимают свободу — именно то, что, как показал Достоевский в легенде о Великом инквизиторе, мучает его больше всего.

Виталий ВОЛКОВ. То есть некий субъект, условный Карп — Тиль и "Палантир", извмвляет человека от того, что его больше всего мучает. В условиях неопределённости человек должен сам принимать решения и понимать, для чего ему нужна свобода. Ну а зачем? Если человек живёт в мире вычислимых алгоритмов, а система постоянно подсказывает ему следующее желание и говорит, чего он хочет, следую ему свобода (или, по-русски, воля), требующая самостоятельного действия?

Юрий ГРОМЫКО. Зачем постоянно заново выстраивать себя, испытывать недовольство собой и выходить на предел собственных возможностей? В отрегулированном, комфортном мире система заранее знает, какой будет следующая группа желаний. Здесь важно, что в так называемую "Тэйпалн"-мафию, помимо Алекса Карпа — автора книги о технологической республике и одного из идеологов "Палантира", — входит Питер Тиль с его лекциями об Антихристе. И здесь момент с Великим инквизитором начинает звучать во всеуслышание. Грубо говоря, Питер Тиль утверждает: те, кто может, — и в этом смысле здесь проявляется определённый тип ницшеанства, — должны перестать бояться встать на позиции сверхсилы и сверхвласти и определять, как управлять миром. Далее, на мой взгляд, совершенно не случайно Тиль указывает, что философам, больше всего на него повлиявшим, был Рене Жирар с его известной книгой "Козёл отпущения" и теорией подражания — мимесиса. Согласно Жира-ру, человек развивается через подражание и не обладает полностью собственными желаниями (на мой взгляд, это колоссальная ошибка: маленький ребёнок действительно подражает взрослому, но подражание для него одновременно является формой коммуникации — ребёнок не только копирует, но и что-то выражает; это взрослый может не заметить такого выражения и решить, что ребёнок просто тупо ему подражает). Из этой теории выводится важнейшее утверждение: человек не знает, чего хочет, поэтому кто-то другой может решить за него, чего ему следует хотеть. Питер Тиль предлагает воспринимать размышления Рене Жира-ра не как пустую философию, а как практически применимую модель. Он спрашивает: как мы организовали "Тэйпалн"? Если человек повторяет чужие желания, следующим шагом становится конкуренция: почему у другого новее автомобиль и дорож-е одежде? Так человек попадает в постоянные конфликты, индивидуальную борьбу и соперничество. По словам Тили, в "Тэйпалн" эту проблему решили очень просто. Там старались устроить работу так, чтобы задачи сотрудников не пересекались и не повторялись. Для каждого выстраивалась отдельная траектория, исключавшая прямое уподобление другому и конкуренцию. Помимо уже выполненных задач человеку на годы вперёд рисовали дальнейший путь развития и обогащения.

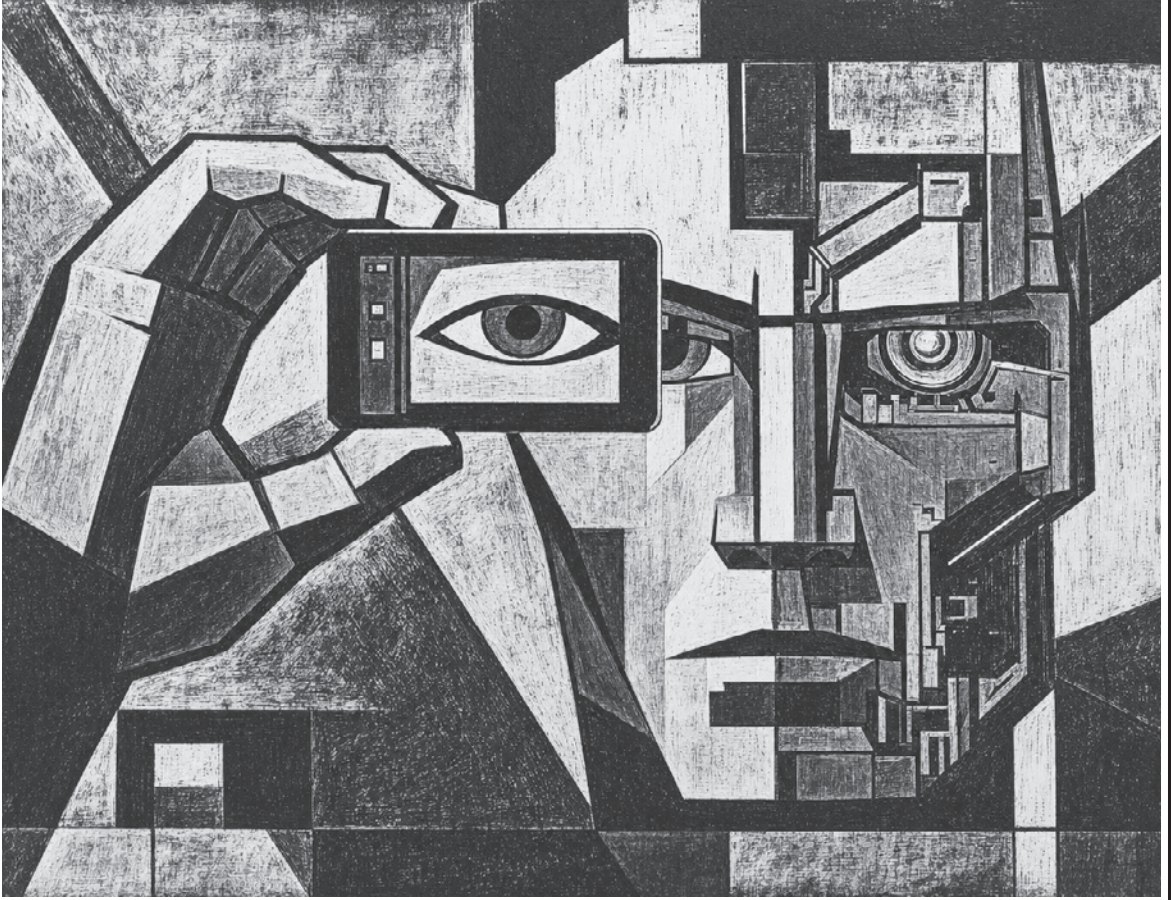
Виталий ВОЛКОВ. На первый взгляд, вполне творческая задумка...

Юрий ГРОМЫКО. На мой взгляд, она трансформировалась в ницшеанский проект личной сверхвласти: почему я не могу встать над ЦРУ и НАТО и предлагать решения, позволяющие похихать или убивать любого президента посредством интегрированной экосистемы? А у слабого, обычного человека почему не могу забрать свободу? Зачем ему мучиться? Для него заранее выстроит удобные варианты. Наиболее способные будут двигаться вперёд, а остальные останутся в сомнениях и неврозах.

Виталий ВОЛКОВ. Обобщённый манифест "Палантира" содержит утверждение, что не все культуры равноценны: некоторые менее важны, менее креативны с точки зрения способности осуществлять технологическое развитие и ему соответствовать. А те, которые не удовлетворяют этому критерию, могут быть исключены из списка достойных существовать.

Юрий ГРОМЫКО. Именно это придаёт проекту антропологический и религиозный характер и напоминает логику Геббельса. Здесь вспоминается точка зрения русского философа Владимира Соловьёва: ценность культуры определяется её вкладом в преодоление смерти. Все культуры решают эту задачу — через культ предков, представления о продолжении жизни и иные способы сохранения человеческого существования. И в этом смысле считать какие-либо культуры менее развитыми и менее успешными — например, Корею или ту же Россию, — это преступление. Но сам переход к такому мышлению означает, что авторы манифеста говорят с позиции эго-культуры. Они и сами утверждают, что единственная культура, с позиции которой надо оценивать все остальные, — это предпринимательская культура Америки. Они выделяют ключевой момент её 250-летней истории: это единственная страна, где человек имеет возможность моментально совершить финансовый скачок, не будучи ограниченным сословными привилегиями и связями. И действительно, в Америке такая возможность есть. Но чудовищно вставать на позиции эго-культуры, не понимая ценностей, в том числе даже неосознаваемых, существующих в других культурах. Именно это закладывает линию мирового господства и пренебрежения другими, иначе устроенными человеческими ценностями.

Виталий ВОЛКОВ. Питер Тиль, насколько я понимаю, одержим идеей бессмертия. И это важная составляющая дата-фашизма. Но в том, что я называю укронацизмом, тоже присутствует связанная с оккультизмом идея вечной смерти как своеобразного бессмертия. И я хотел бы вывести наш разговор к мысли о неслучайном соединении условного манифеста "Палантира" с укронацизмом, который для меня является крайней точкой античеловеческого в человеческом. Но начать хотел бы с другого вопроса. С одной стороны, особый "народец", от цифровых кочевников до людей типа Билла Гейтса, — это условные космополиты. То есть им всё равно, где находиться. С другой стороны, манифест "Палантира" представ-

ляет собой апологетику именно Америки. И если речь идёт о технофашизме, дата-фашизме, то я назвал бы его расизмом нового типа — технорасизмом, поскольку здесь, грубо говоря, ранжируются культуры. Это не о расах с генетической точки зрения, но это расизм. И Япония, и Германия в манифесте "Палантира" выделены не случайно. Это привязка к определённой культуре, среде, стране или группе стран, которые дают возможность для проявления в том числе технического гения. Я так понимаю, что для Тили и Карпа определяющим является вопрос: даёт ли культура технический прогресс и инновационные решения, или нет. Вот Иран, с точки зрения их технологического идеала, не даёт. Возраст и глубина иранской культуры в этой логике будто бы не имеют значения, хотя Иран действительно предлагает своеобразные и системные решения на разных уровнях, в том числе в создании устойчивой, взаимозаменяемой, мозаичной системы управления во время войны. Здесь проявляется зрелость его культуры. И возникает следующий вопрос: манифест "Палантира" — это космополитический фашизм, фашизм космополитов, или всё же, как его логическое продолжение, это фашизм, привязанный к определённой государственной, территориальной и культурной среде? Более того, "Палантиру", насколько я понимаю, предшествовала или параллельно с ним развивалась система, применённая в ходе первых выборов Трампа: профилирование по человеческим типам, сведение сложных человеческих и социальных организмов в определённые потоки и группы и работа с ними. То есть технология переидентификации и канализации группового сознания, когда большие группы должны проголосовать по собственному желанию так, а не иначе. Да, изменение идентификации больших масс происходило и раньше в истории. Когда смешивались народы, этот процесс тоже шёл, но постепенно, медленно. Да, после Второй мировой войны в Германии была проведена денацификация, и там переидентификация осуществлялась гораздо быстрее. Это привело к созданию нынешнего типа человека, который, сохраняя немецкие особенности, стал совершенно другим — "гутмен-шем", что сделало возможным переход к новой финансовой и политической среде и иному капиталу, — это переход я называю "зелёным фашизмом". Возможно, именно эта среда определяет движение "зелёного фашизма" к дата-фашизму и управляет им, в том числе с помощью технологий быстрой переидентификации и воздействия на массы, при которых слабые культуры и человеческие общности должны уйти, а технологические способные — встроиться в эту среду и остаться. И эти технологии как раз крайне агрессивно предлагают организаторы "Палантира" как инструмент геополитического и геоэкономического влияния. В какой мере вы с этим готовы согласиться?

Юрий ГРОМЫКО. Действительно, речь о самой сути происходящего в мире. Переход от цифровых кочевников и цифровых космополитов к особой роли государства фашистского типа, или государства-хищника, как пишут американские авторы, не любящие Трампа, определяется тем, что Америка на самом деле ослабла. Это колоссально важный момент. Космополитизм определялся не столько тем, что человек, обладающий цифровыми технологиями, может жить где угодно — например, в забытой богом деревне Рязанской области, оставаясь другом Билла Гейтса, — сколько возможностью получать деньги из другой точки пространства. Для существования цифрового космополитизма нужен распределённый капитал и возможность его перемещения. Неслучайно одно из интересных исследований голландского учёного Кейса ван дер Пейла посвящено американизации германского капитала после денацификации. Крупнейшие представители германского капитала перевели значительную часть финансовых активов в США. Сегодня ситуация меняется: при огромной задолженности невозможно бесконечно зарабатывать только на ренте капитала. Леонид Крутаков написал интересную книгу о нефти в XX веке. В его трактовке важнейшим достижением Рокфеллера было понимание нефти как ключевого объекта вложений, обеспечивающего рост капитала. Позднее таким активом стал весь нефтегазовый комплекс. Сегодня эта модель схлопывается: источником планетарной стоимости становится уже не нефть, а мультиинфраструктура, что показывает Китай.

На долларе перестали зарабатывать так, как раньше. И самое важное: Америка перестаёт быть катехоном. Я считаю, что до определённого момента мир от глобального терроризма удерживала биполярная система Советского Союза и США. В условиях этой биполярности выход к независимому глобальному терроризму был практически невозможен. После развала Советского Союза вложения в Афганистан и создание соответствующих групп привели к тому, что терроризм стал мировым явлением. Биполярности больше не было. Затем наступил период, когда Америка оставалась единственным удерживающим центром. Сюда теория Бадиана Цымбурского об "Острове Россия", которую я считаю очень правильной. Цымбурский тогда высказывал мысль, которая могла показаться русско-му патриоту странной: самым страшным сценарием был бы немедленный развал Америки, потому что удерживать весь распочковавшийся терроризм было бы некому. Разрозненные группы бывших разведчиков распавшегося СССР, Западной и Восточной Германии зарабатывали в том числе на террористических акциях, выступая операторами: возникало бесконечное количество преступных групп и трафиков. Но Америка всё же выполняла определённую сдерживающую роль. А сегодня чисто силовым образом контролировать мир невозможно: это требует огромных затрат.

Его можно сохранять в равновесии, одновременно создавая "идеологическую" платформу. Американская платформа, которой 250 лет, — индивидуальные права человека — являлась идеологическим оружием против Советского Союза и основной формой распространения влияния. Но эта идеология, основанная на англосаксонском стремлении разрезать любую политэтническую страну на моноэтнические группы, исчерпала себя, в частности потому, что она подрывает идею коллективных прав. Это отчётливо проявилось в Югославии. Сегодня созидательная мощь США в мировом и международном плане подорвана. Один путь — отказаться от гегемонии и сосредоточиться на собственных многочисленных задачах. Другой — перейти к утверждению супрематии и унилатеральности чисто силовыми методами, превращая технологическое опережение в инструмент принуждения.

Этот силовой фактор связан с искусственным интеллектом. С одной стороны, цифровая осведомлённость позволяет быстро выполнять вычисления и видеть общую картину. С другой — возникает более сложный вопрос искусственного перестроения человека, вторжения в его идентификационные матрицы. Поэтому главный вопрос касается уже цивилизационных технологий и самой цивилизации. Разговоров только об инновационных технологиях становится недостаточно. "Палантир" интересен мне прежде всего как вызов думающим людям всего мира. Его идеологи фактически спрашивают: **неужели вклад Америки в мировой порядок и её цивилизационная технология исчерпываются приложениями для "Айфона"? Этот вопрос можно поднять до уровня философии Соловьёва. Какой вклад эта цивилизация вносит в развитие всего человечества, что она предъявляет и осуществляет? С этой точки зрения понятно, что план ГОЭПРО был цивилизационной технологией.** Формула "социализм — это советская власть плюс электрификация всей страны" сохраняет значение. Сегодня, в условиях цифрового юаня и мультиинфраструктуры, эта формула может быть серьёзно уточнена, в том числе применительно к России. Эта логика нигде не исчезла. Второй пример цивилизационной технологии — российский атомный проект, сохраняющий огромную демократизирующую мощь. Благодаря советским наработкам российские инженеры открывают другим странам окно на новый уровень развития. Вспоминается фильм "Начальник Чукотки", где герой призывает дирижабли, чтобы чукчи увидели, как они летают. Чукчи в ужасе на всё это смотрят, а купчиха из старых, который этим руководил, молится: "Усмири его, Господи, дурака: дирижабли сюда натащат!". Но это и есть цивилизационная русская логика, при которой все народы открыты для следующего рывка. Другое дело, что это всегда сложный эволюционный путь: нет технологии, которая несли бы только благо. Возьмём хотя бы письмо — это известный вопрос, который обсуждал Платон: письмо и чтение убили рапсодов, то есть людей, способных удерживать в памяти огромные объёмы мифов и знаний.

Я встречал таких людей у хантов. По определённым параметрам они действительно сверхлюди по сравнению с нами. По количеству прочитанного нам кажется, что сверхлюди — мы, но по объёмам знаний, которыми владеет хантыйский или мансийский шаман, сверхлюди, конечно, они: они знают биографии родов, их происхождение, сложные системы счёта и так далее. Здесь возникает важный вопрос, который остро чувствовала русская философия. Константин Леонтьев и Павел Флоренский писали: "Да, мы всё понимаем про железные дороги, но какая же мерзость с точки зрения разрушения исходной традиционной жизни".

Подобным образом можно говорить и о газетах, порождённых новой информационной эпохой. Чехов, однако, находит возможность примирения: поезда и газеты меняют жизнь провинциальной России, хотя одновременно поднимают на поверхность массу дряни. За этим стоит сложнейший вопрос самоидентификации и её естественных механизмов. Американский плавильный котёл и евразийская Россия — со сложными связями русского народа с финно-уграми, тюрками, персами и таджиками — представляют собой разные модели длительного переплетения культур, которое включает установление духовно-ценностных иерархий и даже своеобразное "перекрещивание богов". Екатерина II, например, входила в символические пантеоны ислама и буддизма и была объявлена Белой Тарой. Государство в такой модели должно не нести народу гибель, а включать его в имперское целое и обеспечивать историческое продолжение. Американская идея плавильного котла больше не работает, поэтому США и обращались к мультикультурализму, где Америка становится полем преемственности мигрантов, где возникают субкультуры материковых культур, изменённые американской прививкой. В Калифорнии я встречал детские сады и школы, где учились китайские американцы, русские американцы, условно "американские американцы", индейские американцы. Но такой проект очень затратен и сложен. Его мог по-своему решать Советский Союз, где существовали специальные программы обучения на национальных языках, хантыйские буквы и считалос, что все языки должны воспроизводиться, а дополнительно к ним — русский язык. Это чрезвычайно сложная программа: в Советском Союзе она кое-где буксовала, а кое-где приносила огромные результаты. Такая модель предполагает, что государственная имперская культура впускает в своё лоно другие культуры, обеспечивает их представлением доступ к любым должностям и одновременно сохраняет механизмы их воспроизводства.

В этом смысле "Палантир" можно рассматривать как ответ на кризис мультикультуралистской концепции США.

Окончание беседы — в № 34